

Сакураги резко обернулся — движение было настолько быстрым, что он едва не свернул себе шею.

— Вонючая лиса, ты что сказал!

Согласно тому, как складывались их отношения последние несколько месяцев, Сакураги должен был вскочить, схватить Рукаву за шиворот и устроить драку. Но времена изменились. Сейчас Сакураги мог лишь разжечь огонь внутри себя и на лице, а вот тело за этим порывом не поспевало. Он и без того был взвинчен, а тут словно подлил масла в огонь, отчего лицо его вспыхнуло пунцовым.

Рукава Каэдэ стоял в школьной форме, с сумкой через плечо — сразу видно, только что после уроков. Его выражение лица и тон ничем не отличались от обычных, по крайней мере, со стороны всё выглядело как всегда. Но Сакураги Ханамити нутром чувствовал: этот парень сегодня пришел похвастаться.

— Тупица, с таким видом, как у тебя, ты и мечтать не можешь о скором возвращении на площадку.

На лбу Сакураги вздулись вены. Он всё-таки ухватил Рукаву за воротник, едва не оторвав пуговицу, и сумка соскользнула с плеча Рукавы на песок.

— Проклятая лиса, не зазнавайся! Даже на реабилитации этот гений остается гением. Вот вернись на площадку — и ты увидишь, как я тебя разнесу!

Рукава молча смотрел на него, а через мгновение поднял руку и перехватил запястье Сакураги. Не успел он отцепить руку Сакураги от своей формы, как тот, словно его ударило током, сам разжал пальцы и отступил на два шага назад. Его лицо, и без того красное от гнева, теперь горело до самых кончиков ушей.

Рукава поправил воротник, наклонился, поднял с песка сумку, отряхнул её и снова закинул на плечо.

— Тупица, ты что, журналы не читал?

Тема сменилась так резко, что Сакураги пришлось моргнуть, прежде чем он сообразил, о чем речь.

— Конечно, читал... — Сакураги запнулся. — Какие еще журналы!

Рукава слегка склонил голову:

— Если бы читал, то заметил бы, что многие великие игроки получали травмы. Но потом они всё равно достигали вершин баскетбольного мира. — Он сделал паузу; привычка говорить мало брала свое, поэтому он подбирал слова. — Хотя тебе до них еще очень далеко, ты должен верить, что сможешь вернуться. Тупица, если продолжишь так хандрить, то в жизни меня не победишь!

Бросив эти слова, Рукава ушел, не оглядываясь, оставив на песке длинную цепочку следов.

Мияги, пришедший навестить больного, был шокирован, услышав эту историю из уст разъяренного Сакураги. Он с трудом сдержал усмешку:

— Зачем этот Рукава вообще приходил? Подбодрить тебя? Я еще удивлялся, куда он вчера после школы пропал, даже на тренировку не зашел — случай поистине редкий!

Сакураги топал ногами от злости:

— Да что хорошего может сделать эта вонючая лиса! Точно пришел поиздеваться! Сто процентов!

Сделав жадный глоток воды, Сакураги никак не мог взять в толк:

— С чего это проклятая лиса решил, что я хандрю? Какой из меня хандрящий? Я же изо всех сил стараюсь на реабилитации!

Мияги почесал подбородок:

— Кстати об этом, вся наша баскетбольная команда за тебя волнуется.

Внимание Сакураги переключилось:

— Волнуется? Обо мне? С чего бы это?

Мияги усмехнулся:

— Это всё потому, что Очкарик-семпай видел, в каком ты был подавленном настроении.

Сакураги по привычке сидел на залитом закатным солнцем пляже, погруженный в свои мысли. Слова Мияги, сказанные днем, заставили его долго молчать. Странная догадка заставила его поежиться. Неужели вонючая лиса приехал подбодрить его только потому, что Очкарик-семпай передал, как у него дела?

Как только эта мысль возникла в голове, он яростно замотал головой, отгоняя её. Да быть того не может! Кто в это поверит? Эта лиса Рукава Каэдэ наверняка просто ухватился за возможность посмеяться над ним, поэтому после школы, даже не потренировавшись, проделал такой путь на велосипеде, чтобы прочитать нотацию и уехать. Ну да, точно так всё и было.

Успокоившись, Сакураги почувствовал, что злость стала еще сильнее. Проклятая лиса! Хотя признавать это было противно совести, но между их уровнем мастерства была пропасть. Тренер-старик когда-то говорил, что ему нужно тренироваться вдвойне, чтобы догнать его до окончания школы. А из-за этой травмы путь стал еще длиннее.

Как же это бесит!

Однако, имея четкую цель, Сакураги стал гораздо стойче переносить мучительную реабилитацию. И когда он, стиснув зубы, преодолел очередной барьер, то, радуясь успеху, вдруг захотел, чтобы кто-то узнал о его стараниях и о том, что он стал на шаг ближе к возвращению на площадку. Но кто этот человек? Он с воодушевлением рассказывал всем приходящим о своих успехах, приукрашивая их, но, к его удивлению, чужие восхищения не приносили облегчения — на душе становилось только пусто.

Прошла еще неделя. Даже когда Харуко радовалась его успехам, Сакураги обнаружил, что всё еще не чувствует себя счастливым, и это вызывало у него раздражение. Он был похож на человека, который искал выход из лабиринта, думал, что увидел его, но, добежав, понимал, что это лишь очередной тупик.

Сакураги Ханамити сидел на пляже и перечитывал письмо от Харуко. Поскольку начался учебный год, ребята не могли часто навещать его, и Харуко стала писать письма, рассказывая о новостях. В сегодняшнем письме говорилось, что она вступила в баскетбольную команду менеджером, Мияги официально стал капитаном, Горилла и Очкарик-семпай полностью отошли от дел, готовясь к поступлению, Мицу-чан решил остаться в команде, а Рукава...

Как только Сакураги увидел слова «Рукава-кун», сердце у него екнуло, а веко дернулось. Харуко писала, что Рукаву-куна вызвали в молодежную сборную страны на сборы.

Сакураги Ханамити был готов взорваться. Если бы это письмо написала не Харуко, он бы немедленно разорвал его в клочья. Даже такой новичок, как Сакураги, понимал, что значит вызов в молодежную сборную. Это было абсолютным признанием мастерства; ежегодно лишь единицы удостоивались чести попасть в эту команду, а после сборов их уровень взлетал до небес. Мицуи постоянно твердил об этом ему на ухо. Конечно, все об этом мечтали. Но кто бы мог подумать, что первым в истории Сёхоку, кого пригласят в сборную, станет первогодка Рукава!

Конечно, Сакураги хотел бы это отрицать, но не мог закрыть глаза на то, что Рукава действительно отлично показал себя на национальном турнире. Но я ведь тоже играл отлично! — Сакураги был готов топтать ногами. В конце концов, он решил, что его не пригласили только из-за травмы, ведь даже если бы позвали, он всё равно не смог бы участвовать. От этой мысли

стало чуточку легче.

Но то, что произошло дальше, вновь разожгло пожар в его душе. На мгновение Сакураги показалось, что он сошел с ума и у него начались галлюцинации. По пляжу издалека бежал человек, он становился всё ближе, и наконец его лицо стало лицом Рукавы. Когда Рукава подошел и расстегнул куртку, под которой была форма с эмблемой молодежной сборной, Сакураги понял — это та самая бесстыжая вонючая лиса!

Врач, заметив, что Сакураги долго не возвращается, вышла на пляж поискать его. Этот ребенок в большинстве случаев был образцовым пациентом, к тому же с открытым характером, и врачи с медсестрами его очень любили. Но когда он упрямился, с ним было нелегко, а высокий рост делал его почти неуправляемым. Поэтому врач всегда уделяла ему особое внимание. Она знала, что мальчик любит посидеть на пляже, и поддерживала это, тем более что он всегда возвращался вовремя. Но сегодня, когда солнце уже село, а его всё не было, она заволновалась.

К счастью, увидев издалека широкую спину, всё еще сидящую на песке, врач вздохнула с облегчением и, подойдя, с улыбкой сказала:

— Сакураги-кун, пора возвращаться, ужин скоро.

Сакураги опустил голову, сжимая в руках письмо. Прошло много времени, прежде чем он поднял взгляд. Выражение его лица было сложным: просьба, решимость, тревога и надежда — всё смешалось в одном взгляде.

— Госпожа врач, я хочу поскорее вернуться на площадку.

Врач видела, как он снова опустил голову, словно побитый пес, и услышала глухой голос, доносившийся из-под согнутой руки:

— Иначе я никогда его не догоню.

В последующие дни Сакураги каждый раз в одно и то же время видел на пляже бегущего Рукаву. Даже после окончания сборов это не прекратилось. Они вели себя как незнакомцы, обмениваясь лишь мимолетными взглядами, без единого слова. Только в первый день, показав форму сборной, Рукава посмотрел на Сакураги сверху вниз, и закатное солнце отбросило его длинную тень, накрывшую Сакураги целиком.

— Тупица, если не поднажмешь, я убегу слишком далеко, и ты никогда меня не догонишь.

Это был последний разговор между ними за всё время пребывания в санатории. С тех пор они каждый день видели друг друга, но не произносили ни слова.

Так, через месяц после окончания сборов Рукавы, Сакураги Ханамити наконец выздоровел и выписался. Армия Сакураги собиралась приехать за ним, но в день выписки их задержали в школе из-за игры в патинко, и они не смогли выбраться. Пришлось Сакураги уезжать одному. Благодаря своей привычке жить самостоятельно, он аккуратно упаковал все вещи из палаты, хотя хорошо, что Ёхэй до этого понемногу перетаскал часть его имущества, иначе он бы всё не унес.

Когда он покидал санаторий, провожающих оказалось куда больше, чем он ожидал. Врачи, медсестры, даже пациенты из соседних палат — целая толпа пришла попрощаться. Сакураги стоял, возвышаясь над всеми, смущенно чесал затылок и улыбался, не зная, что сказать. В итоге, выходя за ворота, он нес не только свой багаж, но и огромный пакет с подарками. Этот горячий «маленький солнца» стал любимцем всего санатория.

Сакураги тащил столько вещей, что его чуть не высадили из электрички, но, испугавшись его внушительного роста и грозной прически, всё же позволили ехать.

Выйдя из электрички, он прошел почти весь путь до дома, и когда до конца этого утомительного переезда оставалось совсем немного, один из пакетов не выдержал и лопнул, рассыпав всё содержимое по асфальту. Сакураги смотрел, как кружка катится под уклон, а за ней, словно утята за мамой, тянется вереница других мелочей. Кружка не собиралась останавливаться и катилась всё веселее, словно прощаясь с хозяином.

Она остановилась, лишь врезавшись в велосипед, внезапно возникший на пути. Увидев человека на велосипеде, который, выставив длинную ногу, опирался на землю, Сакураги перевел взгляд с кружки на него.

Кто-нибудь может объяснить, почему в это время и в этом месте оказался Рукава Каэдэ!

<http://bllate.org/book/21490/2200159>